

Alec Drake

ПОПАДАНЕЦ.

 СМЕРШ

ТАЙНАЯ СЕТЬ
НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ

Alec Drake

**Попаданец. СМЕРШ. Тайная
сеть немецкой разведки**

«Автор»

2026

Drake A.

Попаданец. СМЕРШ. Тайная сеть немецкой разведки /
A. Drake — «Автор», 2026

Он знал о войне слишком много, чтобы просто наблюдать за историей. Попаданец оказывается в 1943 году и получает неожиданное назначение — в СМЕРШ. Его первая задача кажется простой: найти источник утечек, из-за которых немецкая разведка заранее узнаёт о передвижениях советских войск. Но расследование быстро приводит к пугающему открытию. В тылу Красной армии действует не один вражеский агент, а целая тайная сеть. У неё есть радисты, связные, информаторы и люди внутри военных штабов. И самое страшное — кто-то заранее предупреждает немцев о каждом шаге СМЕРШ. Чтобы сорвать операцию Абвера, попаданцу придётся вычислить предателя раньше, чем враг нанесёт свой главный удар. В этой игре ошибка стоит жизни. А доверять нельзя никому.

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	5
Глава 2. Приказ № 227	9
Глава 3. Допрос в подвале	14
Глава 4. Неожиданное предложение	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Alec Drake

Попаданец. СМЕРШ. Тайная сеть немецкой разведки

Глава 1. Точка невозврата

Часть первая: Последний анализ

Москва, октябрь 2023 года

Дождь бил в панорамное окно кабинета на двенадцатом этаже здания на Хорошёвском шоссе. Алексей Вершинин, аналитик Главного управления Генерального штаба, смотрел на мокрую Москву и думал о том, что ненавидит осень. Не саму осень — золотую, пушкинскую, с запахом прелых листьев и кофе из бумажного стаканчика. Он ненавидел ту осень, которая пришла в его жизнь три года назад вместе с диагнозом матери и первым звонком из военкомата двоюродному брату.

Впрочем, сейчас была другая осень. И другие проблемы.

— Лёш, ты закончил? — голос из селектора принадлежал полковнику Дорохову, его непосредственному начальнику. — Совещание через двадцать минут.

— Заканчиваю, товарищ полковник. — Вершинин бросил взгляд на монитор. Три экрана. На левом — спутниковые снимки полигона в Белоруссии. На центральном — перехваченные радиопереговоры, пропущенные через нейросеть-дешифратор. На правом — схема логистических цепочек, которую он выстраивал уже третью неделю.

Что-то не сходилось.

Аналитическая работа — это не про озарения. Это про терпение. Ты сидишь, перебираешь факты, строишь гипотезы, отбрасываешь, строишь снова. И иногда, на сотый раз просматривая одни и те же данные, замечаешь деталь, которую пропустил раньше. Мелочь. Занятную нестыковку. Крошечный узелок, который потом разматывается в целую картину.

Вершинин нашёл такой узелок неделю назад. И с тех пор не мог отделаться от ощущения, что смотрит на что-то очень плохое.

Переговоры. Фрагмент, перехваченный станциями радиоэлектронной борьбы в Калининградской области. Голос — мужской, говорит по-русски с лёгким акцентом. Не кавказским, не прибалтийским. Скорее... славянским, но с характерной артикуляцией, которую лингвисты в их отделе называли «польской базой». Собеседник отвечал на немецком — чистом, литературном, с берлинским произношением.

Ничего особенного. Мало ли кто с кем говорит. Но содержание...

«...груз будет в точке "Б" в четверг, в двадцать два ноль-ноль. Маршрут изменён. Подтвердите готовность принимающей стороны...»

«...подтверждаю. Но у нас проблема с третьим каналом. Повторяю: проблема с третьим каналом. Они вышли на связь раньше срока...»

«...понял. Переходим на резервный. Ждите подтверждения...»

Стандартный обмен для контрабандистов, торговцев оружием, да кого угодно. Но Вершинин занимался не контрабандой. Он занимался стратегическим анализом. И этот фрагмент лёг в схему, которую он строил, как последний кусочек пазла — только пазл был не про логику, а про нечто другое.

Три недели назад он получил задание: проанализировать активность иностранных разведок в приграничных регионах. Рутинная. Стандартная проверка. Но чем глубже он копал, тем

яснее становилось: кто-то очень грамотно, очень аккуратно и очень настойчиво прощупывает их логистические цепочки. Склады. Маршруты. Графики переброски войск.

Не хакерская атака. Не спутниковая разведка. Что-то другое. Что-то более... человеческое.

Агенты. Живые люди. С документами, с легендами, с доступом.

И этот разговор — ещё одно подтверждение. «Третий канал». «Принимающая сторона». «Изменение маршрута».

Вершинин сохранил файл, зашифровал, отправил в защищённое хранилище. Потом откинулся в кресле и потёр глаза.

Он устал. Не физически — хотя и физически тоже. Спал по четыре часа, питался чем попало, забыл, когда последний раз звонил дочери. Устал по-другому. От чувства, что видишь угрозу, но не можешь до конца понять её масштаб. От ощущения, что время уходит.

— Лёш, ты идёшь? — Дорохов снова вышел на связь.

— Иду.

Он встал, одёрнул рубашку, взял папку с распечатками. В коридоре пахло кофе и ксес-роком. Мимо прошла женщина из шифровального отдела, кивнула. Вершинин кивнул в ответ и вдруг остановился.

На стене висел портрет. Стандартный, из тех, что вешают в коридорах подобных учреждений: группа офицеров, сорок третий год, где-то под Курском. Чёрно-белое фото, выцветшее, с трещинами. Вершинин видел его сотни раз, не обращал внимания.

Сейчас он посмотрел. Вгляделся.

Среди офицеров — молодой человек в форме СМЕРШа. Лейтенант. Худой, с острыми скулами и внимательными глазами. Лицо показалось знакомым. Вершинин подошёл ближе, вчитался в подпись под фотографией.

«Группа сотрудников контрразведки "СМЕРШ" 1-го Украинского фронта. Июль 1943 г.»

Он не знал этих людей. Не мог знать. Но лицо лейтенанта...

— Алексей Андреевич! — голос Дорохова, уже с раздражением.

— Иду, товарищ полковник.

Вершинин тряхнул головой и зашагал к лифту. Мысли о фотографии он отбросил — мало ли, показалось. У него была работа. У него была угроза. У него было очень мало времени.

Он не знал, что времени у него осталось ровно сорок минут.

Совещание шло в закрытом режиме. Кроме Дорохова и Вершинина, присутствовали ещё трое: генерал-лейтенант Свиридов из оперативного управления, полковник ГРУ Мамедов и женщина в штатском, которую представили как «товарища из смежного ведомства». Имя не назвали. Вершинин не удивился — в их работе это норма.

— Докладывайте, — Свиридов кивнул Вершинину.

Он говорил двадцать минут. Чётко, по делу, без эмоций. Логистические цепочки. Перехваты. Аномалии. Совпадения, которые не могли быть совпадениями. Вывод: кто-то системно собирает информацию о перемещениях войск в западных округах. Источник — вероятно, человек или группа людей с доступом к закрытым данным.

— Вы уверены? — Мамедов смотрел скептически. — У нас нет подтверждённых данных о наличии такой агентурной сети.

— Именно поэтому я и докладываю, — ответил Вершинин. — Если бы данные были подтверждены, это была бы не аналитика, а оперативная разработка.

Свиридов хмыкнул. Женщина в штатском что-то записала в блокнот.

— Что вы предлагаете? — спросил генерал.

— Передать материалы в контрразведку. Пусть работают. Я могу предоставить всю аналитику, схемы, гипотезы. Но дальше нужны люди с полномочиями.

— Хорошо, — Свиридов кивнул. — Готовьте пакет. К утру.

Совещание закончилось. Вершинин вышел в коридор, посмотрел на часы: восемь вечера. Дождь всё ещё шёл. Он достал телефон, набрал номер дочери. Не ответила. Наверное, на занятиях.

Он спустился в подземный гараж, сел в свою машину — старенькую «Весту», которую купил три года назад, — и завёл двигатель. Мысли всё ещё крутились вокруг схемы. «Третий канал». Что это значит? Третий канал связи? Третий агент? Третья точка?

Он выехал на Хорошёвское шоссе и почти сразу заметил фары в зеркале заднего вида. Чёрный внедорожник. Держится на расстоянии. Может, просто попутчик. Может, нет.

Вершинин свернул налево. Внедорожник свернул тоже.

Сердце забило быстрее. Он не параноик. Он аналитик. И он знал: в их работе паранойя — это профессиональный инструмент.

Он нажал на газ. Проехал перекрёсток на жёлтый, свернул в переулок. Внедорожник отстал, но не исчез.

Вершинин достал телефон, набрал Дорохова. Гудки. Долгие. Потом:

— Слушаю.

— Товарищ полковник, за мной хвост. Чёрный внедорожник, номер не вижу. Я на...

Удар.

Машину бросило в сторону. Второй удар — в заднюю дверь. Вершинин вывернул руль, но было поздно: «Весту» развернуло, вынесло на встречную, и он увидел фары грузовика, несущегося прямо на него.

Последняя мысль была странной. Не о дочери. Не о матери. О фотографии в коридоре. О лейтенанте СМЕРШа с острыми скулами.

Лицо было его собственным.

Часть вторая: Пробуждение

Он не умер.

По крайней мере, не сразу. Было что-то ещё. Тьма, холод, ощущение падения. Голоса — далёкие, искажённые, будто из-под воды. Потом свет. Яркий, режущий. Боль.

Алексей открыл глаза и увидел небо.

Не московское небо — серое, затянутое облаками, с проблесками солнца. Другое. Голубое, высокое, с редкими белыми облаками. И запах. Не выхлопные газы, не мокрый асфальт. Земля. Трава. Дым.

Он попытался сесть. Тело не слушалось. Руки дрожали. Он посмотрел на них и не узнал: слишком худые, с ссадинами и грязью под ногтями. Не его руки.

— Живой? — голос рядом. Мужской, хриплый.

Алексей повернул голову. Рядом сидел человек в военной форме. Пилотка, гимнастёрка, ремень. Лицо усталое, небритое. В руках — винтовка.

— Живой, — ответил Алексей. Голос тоже был не его. Моложе. Выше.

— Тогда вставай. Немцы через час будут здесь.

Алексей сел. Медленно, преодолевая головокружение. Осмотрелся.

Вокруг был лес. Не парк, не сквер — настоящий лес, с высокими соснами и густым подлеском. Вдалеке — дым, поднимающийся к небу. Где-то грохотало. Глухо, раскатисто. Артиллерия.

— Где я? — спросил он.

Солдат посмотрел на него как на идиота.

— Под Курском. Где ж ещё. Ты что, контуженный?

Курск. Под Курском.

Алексей посмотрел на свою одежду. Форма. Советская, образца сороковых. Гимнастёрка, галифе, сапоги. На плечах — погоны. Лейтенантские.

Он медленно поднял руку, потрогал лицо. Не своё. Чужие скулы, чужие губы, чужая щетина.

— Как меня зовут? — спросил он.

Солдат сплюнул.

— Ты что, совсем? Лейтенант Вершинин ты. Алексей Андреевич. Из разведроты. Тебя вчера осколком приложило, когда мы из окружения выходили. Думали, не выживешь.

Вершинин. Алексей Андреевич.

Он закрыл глаза. В голове пронеслось: фотография в коридоре. Лейтенант СМЕРШа. Лицо — его собственное.

— Год какой? — спросил он.

Солдат посмотрел на него с тревогой.

— Сорок третий. Июль. Ты точно контуженный.

Алексей открыл глаза. Посмотрел на лес, на дым, на солдата с винтовкой. Потом на свои руки — чужие, молодые, с мозолями от оружия.

Это не сон. Слишком ярко. Слишком больно. Слишком реально.

Он умер в 2023 году. И проснулся в 1943-м. В теле лейтенанта Вершинина. Под Курском. За несколько дней до начала величайшей битвы Второй мировой.

— Вставай, — повторил солдат. — Надо идти.

Алексей встал. Ноги держали. Он сделал шаг, потом ещё один. Тело слушалось — чужое, но послушное. Мышцы помнили то, чего не помнил он.

— Как тебя зовут? — спросил он солдата.

— Петро. — Солдат усмехнулся. — Петро Ковальчук. А что?

— Просто. — Алексей покачал головой. — Просто хочу знать, кто рядом.

Они пошли через лес. Где-то вдалеке грохотало. Петро молчал, поглядывал по сторонам. Алексей шёл следом и пытался думать.

Он аналитик. Он привык к фактам. Факт первый: он в прошлом. Факт второй: он в теле другого человека. Факт третий: через несколько дней начнётся Курская битва. Факт четвёртый: он знает, чем она закончится.

Но что он может сделать? Что он должен сделать? И почему — именно он?

В памяти всплыла фотография. Лейтенант СМЕРШа. Значит, его путь ведёт туда. В контрразведку. К тем, кто ищет врагов в собственном тылу.

Он не знал, что ждёт его впереди. Не знал, что за «третий канал» ищут немцы. Не знал, кому можно доверять.

Он знал только одно: он жив. И у него есть шанс.

Лес закончился. Впереди открылось поле — вытоптанное, изрытое воронками. За полем — деревня. Горели дома. Из-за реки доносился звук моторов.

— Быстрее, — Петро побежал.

Алексей побежал следом. Тело двигалось легко, привычно. Он не споткнулся, не упал. Чужое тело знало, что делать.

Он умер в 2023-м. Родился заново в 1943-м. И теперь ему предстояло выжить в войне, которую он изучал по учебникам.

Только учебники не рассказывали, как это — когда земля дрожит под ногами, а небо пахнет железом и кровью.

Он бежал. И где-то в глубине сознания зрело понимание: это не случайность. Это не сон. Это — приказ. Тот, который он должен выполнить.

Он ещё не знал, какой именно.

Но узнает.

Глава 2. Приказ № 227

Часть первая: Окоп

Деревня называлась Малые Копытичи. Алексей не знал, существует ли она в его времени — в 2023-м он не нашёл бы её на карте, даже если бы искал. Но здесь, в июле сорок третьего, она была реальностью: двадцать дворов, колодец с журавлём, несколько уцелевших хат и гора битого кирпича там, где раньше стояла школа.

Они добрались до неё к вечеру.

Петро Ковальчук оказался словоохотливым — насколько может быть словоохотливым солдат, который неделю не спал и потерял половину роты. По дороге он рассказал Алексею всё: что тот — лейтенант из разведроты, что их часть попала в окружение под Белгородом, что выходили лесами, потеряли связь со штабом и теперь пробиваются к своим.

— Тебя осколком приложило, — повторял Петро. — Прямо в голову. Я думал, всё. А ты встал. Ну, думаю, значит, жить будешь.

Алексей слушал и запоминал. Лейтенант Вершинин. Разведрота. Контузия. Потеря памяти — это объяснение работало лучше всего. Если он что-то забудет или скажет не то, всегда можно сослаться на «плохо помню, контузило».

К деревне они подошли с запада, через поле, заросшее высокой травой. Петро шёл первым, согнувшись, держа винтовку наготове. Алексей — следом, стараясь не отставать. Тело двигалось непривычно, но послушно. Мышцы помнили то, чего не помнил разум: как пригнуться, как переставлять ноги, как дышать ровно.

— Тихо, — Петро поднял руку.

Они замерли. Впереди, метрах в пятидесяти, виднелись окопы. Настоящие, вырытые в полный профиль, с брустверами и ходами сообщения. В окопах — люди. Много людей. Красноармейцы, сержанты, офицеры. Кто-то спал, кто-то чистил оружие, кто-то просто сидел, уставившись в одну точку.

— Наши, — выдохнул Петро. — Свои.

Они спустились в окоп. Никто не обратил на них особого внимания — мало ли кто приходит и уходит. Война приучила к равнодушию.

Петро нашёл командира — пожилого капитана с усталыми глазами. Доложил: так, мол, и так, лейтенант Вершинин из разведроты, контужен, нуждается в помощи.

Капитан посмотрел на Алексея. Долго. Внимательно.

— Вершинин? Из сто восьмой?

— Так точно, — ответил Алексей. Голос звучал уверенно, хотя внутри всё сжалось.

— Слышал о тебе. — Капитан кивнул. — Говорят, ты в разведке лучший. Ну, теперь не до разведки. Немцы прут. Завтра-послезавтра ждём атаку. Так что — в строй. Отдохни пока. Вечером получишь задачу.

Алексей кивнул. Отошёл в сторону, сел на землю, прислонившись спиной к стенке окопа. Закрыв глаза.

Он был в окопе. Под Курском. В июле сорок третьего. За несколько дней до начала операции «Цитадель».

Он знал, что будет. Немцы пойдут в наступление пятого июля. Танки, пехота, авиация. Будут прорывать оборону в нескольких местах. Будут сражаться за каждую высоту, за каждую деревню. И они проиграют. Но до этого — тысячи, десятки тысяч погибших. С обеих сторон.

Он знал это. И ничего не мог изменить.

Или мог?

Мысль была опасной. Он аналитик, а не пророк. Он знал общие контуры событий, но не детали. Он не мог сказать, где именно ударит враг, какие дивизии пойдут в прорыв, кто из командиров примет верное решение, а кто — роковое. Он знал только итог.

А итог — это не то, что нужно солдату в окопе. Солдату нужно выжить сегодня, сейчас, в следующую минуту.

Алексей открыл глаза. Посмотрел на небо. Солнце садилось, окрашивая облака в багровый цвет. Красиво. И страшно.

— Лейтенант, — окликнул его Петро. — Пойдём, каши дадут. Есть хочешь?

Хотел. Очень. Тело требовало еды — чужое тело, молодое, голодное.

Они пошли к полевой кухне. По дороге Алексей смотрел по сторонам, запоминал. Расположение окопов. Огневые точки. Тропинки. Люди. Лица.

Он не знал, что именно ему пригодится. Но аналитик привык собирать информацию. Даже здесь. Даже сейчас.

Часть вторая: Первый бой

Ночь прошла спокойно. Алексей спал в окопе, укрывшись шинелью, которую ему выдали на складе. Спал чутко, просыпаясь от каждого шороха. Тело знало, что война рядом, и не давало расслабиться.

Утром четвёртого июля немцы начали артподготовку.

Алексей проснулся от грохота. Земля дрожала, как при землетрясении. С неба сыпались осколки, комья земли, куски дерева. Кто-то кричал. Кто-то бежал. Кто-то молился.

— В укрытие! — орал капитан. — Все в укрытие!

Алексей скатился на дно окопа, прижался к стенке. Рядом упал Петро, закрыл голову руками. Грохот стоял такой, что не слышно было собственных мыслей.

Он знал, что это. Артподготовка перед наступлением. Немцы прощупывают оборону, ищут слабые места. Завтра, пятого июля, начнётся главное.

Но сегодня — сегодня нужно выжить.

Артобстрел длился два часа. Потом стихло. Алексей поднял голову, посмотрел на бруствер. Окоп уцелел — чудом. Соседний — нет. Там теперь была воронка, и в ней лежали тела.

— Считаем потери, — капитан говорил хрипло. — Живые — на позиции. Немцы могут пойти в атаку в любой момент.

Алексей встал. Отряхнулся. Взял винтовку — чужую, незнакомую, но тело знало, как с ней обращаться. Проверил затвор, патроны. Всё в порядке.

Он занял позицию на левом фланге, рядом с Петро. Посмотрел вдаль. Там, за полем, за перелеском, были немцы. Он их не видел, но знал, что они там. Готовятся. Ждут приказа.

— Лейтенант, — Петро тронул его за руку. — Ты как?

— Нормально. — Алексей посмотрел на солдата. — Ты воевал раньше?

— С сорок первого. — Петро усмехнулся. — Под Москвой был. Под Сталинградом. Теперь вот здесь.

— И как? Страшно?

— Всегда страшно. — Петро пожал плечами. — Кто говорит, что не страшно, — врёт. Или дурак. Страшно, но привыкаешь. Главное — не думать. Делать, что должен. И тогда, может, выживешь.

Алексей кивнул. Хороший совет. Не думать. Делать.

Он посмотрел на поле. Там, вдалеке, показались точки. Маленькие, тёмные. Танки. Немецкие танки. «Тигры», «Пантеры» — он знал их по фотографиям, по хроникам, по учебникам. Теперь он видел их вживую.

— Приготовиться! — крикнул капитан.

Алексей вскинул винтовку. Руки не дрожали. Тело знало, что делать.

Танки шли медленно, уверенно. За ними — пехота. Много пехоты. Немцы наступали.

— Огонь!

Залп. Первые выстрелы. Кто-то упал, кто-то закричал. Алексей стрелял, перезаряжал, стрелял снова. Механически. Не думая. Как учил Петро.

Танк приближался. Большой, серый, с чёрным крестом на башне. Он полз прямо на их позицию. Алексей видел, как из люка высунулся немецкий офицер, что-то крикнул. Потом танк выстрелил.

Взрыв. Земля взметнулась вверх. Алексея отбросило, ударило о стенку окопа. В ушах зазвенело.

Он не потерял сознание. Только на секунду — темнота, потом свет. Он поднялся, посмотрел вокруг. Петро лежал рядом, лицом вниз. Не двигался.

— Петро! — Алексей перевернул его. Глаза солдата были открыты, но не видели. Осколок попал прямо в сердце.

Алексей закрыл ему глаза. Потом взял винтовку. Встал. Пошёл вперёд.

Он не думал. Делал, что должен. Как учил Петро.

Танк был в тридцати метрах. Алексей поднял винтовку, прицелился. Выстрелил. Пуля отскочила от брони. Бесполезно.

Он посмотрел в сторону. Там, в воронке, лежал противотанковый ёж. И рядом — гранаты. Настоящие, противопехотные, но если правильно использовать...

Алексей бросился к воронке. Упал, схватил гранаты. Две. Хватит.

Танк был в двадцати метрах. Он полз медленно, уверенно. Немцы не видели Алексея — он был в слепой зоне.

Он пополз. Быстро, низко, прижимаясь к земле. Оставалось десять метров. Пять.

Танк остановился. Люк открылся. Высунулся офицер.

Алексей встал. Бросил гранату. Потом вторую.

Взрыв. Офицер исчез. Танк загорелся.

Алексей упал, закрыл голову руками. Осколки просвистели над ним. Потом стало тихо.

Он поднялся. Посмотрел на горящий танк. Потом на поле. Немцы отступали. Первая атака захлебнулась.

Он выжил.

Часть третья: Особисты

Его задержали через два часа.

Алексей сидел в окопе, перевязывал руку — осколок зацепил, но неглубоко. Рядом лежали тела: Петро, ещё двое из их отделения. Он не знал их имён. Теперь уже не узнает.

— Лейтенант Вершинин?

Он поднял голову. Перед ним стояли двое. Форма — обычная, полевая. Но что-то в них было не так. Слишком чистые. Слишком спокойные. Глаза — внимательные, холодные.

— Да, я.

— Пройдёмте.

Не спросили. Приказали. Алексей встал. Пошёл за ними.

Его привели в блиндаж, вкопанный в землю метрах в ста от позиций. Внутри — стол, лавка, керосиновая лампа. За столом сидел третий. Майор. Молодой, но с усталым лицом. На петлицах — знаки СМЕРШа.

— Садитесь, лейтенант.

Алексей сел. Посмотрел на майора. Тот смотрел в ответ. Молча. Долго.

— Вершинин Алексей Андреевич. Сто восьмая стрелковая дивизия, разведроты. Так?

— Так.

— Вчера вышел из окружения. С контузией. Память — частичная. Так?

— Так.

Майор кивнул. Достал из папки лист бумаги. Положил на стол.

— Тогда объясните, лейтенант. Как вы узнали, что танк пойдёт именно на ваш фланг? Как вычислили слепую зону? Почему пошли именно к той воронке, где лежали гранаты?

Алексей молчал. Он не знал, что ответить. Он не мог сказать правду.

— Может, объясните вот это? — Майор достал второй лист. — Донесение командира взвода. Пишет: «Лейтенант Вершинин в бою действовал странно. Заранее знал направление атаки. Предугадывал действия противника. Есть подозрение на...

Майор сделал паузу.

— ...на сотрудничество с врагом».

Алексей посмотрел на него. Спокойно. Хотя внутри всё сжалось.

— Я не сотрудничал с врагом, — сказал он. — Я воевал.

— Воевали все. Но не все знают заранее, откуда пойдёт танк. — Майор наклонился вперёд. — Откуда вы знали, лейтенант?

Алексей молчал. Он думал. Быстро. Отчаянно.

Если он скажет правду — его отправят в психушку. Или расстреляют. Если сойдёт — могут поймать на лжи. Если промолчит — тоже плохо.

— Я аналитик, — сказал он наконец. — По натуре. Я смотрел на местность. Оценивал. Танк не мог пойти в другом направлении — там болото. Мог пойти только здесь. Это логика. Не чудо.

Майор смотрел на него. Долго. Потом откинулся на спинку стула.

— Аналитик. Значит. — Он усмехнулся. — Интересно.

Он встал. Прошёлся по блиндажу. Остановился у стены.

— Знаете, лейтенант, у нас в СМЕРШе тоже нужны аналитики. Люди, которые умеют думать. Замечать детали. Делать выводы. — Он повернулся. — Но есть проблема. Мы не можем доверять человеку, который сам себя подозревает. Или которого подозревают другие.

Алексей молчал.

— Поэтому мы проверим, — продолжил майор. — Тщательно. Всё, что вы делали с момента выхода из окружения. Все ваши слова. Все решения. Если вы чисты — вам предложат работу. Если нет...

Он не договорил. Не нужно было.

— Я чист, — сказал Алексей. — Я воевал. Я убил немецкий танк. Я потерял друзей. Что ещё нужно?

— Нужно время. — Майор сел обратно. — Время и информация. Пока — вы под наблюдением. Свободны.

Алексей встал. Пошёл к выходу.

— Лейтенант, — окликнул майор.

Алексей обернулся.

— Я читал ваше личное дело. До войны вы учились на историка. Интересовались военной историей. Это правда?

— Правда.

— Тогда, может, объясните. — Майор смотрел на него внимательно. — Откуда лейтенант разведроты, историк по образованию, знает тактику немецких танковых частей лучше, чем иные штабные офицеры?

Алексей посмотрел ему в глаза.

— Я много читал, — сказал он. — И много думал. Война — это не только оружие. Это ещё и знания.

Он вышел. На улице было тихо. Солнце клонилось к закату. Где-то вдалеке грохотало.

Он не знал, поверил ли ему майор. Не знал, что будет дальше. Но он выжил. И это было главное.

Пока.

Часть четвёртая: Ночь перед бурей

Вечером его вызвал капитан.

— Вершинин, ты как?

— Нормально, товарищ капитан.

— Хорошо. — Капитан посмотрел на него. — Завтра, по всем данным, немцы начнут генеральное наступление. Мы должны держаться. Любой ценой. Понял?

— Понял.

— И ещё. — Капитан понизил голос. — Ко мне приходили из СМЕРШа. Спрашивали о тебе. Я сказал, что ты хороший солдат. Но советую: будь осторожен. Они не любят тех, кто слишком умный.

Алексей кивнул.

— Спасибо, товарищ капитан.

Он вернулся в окоп. Сел на землю. Посмотрел на небо. Звёзды — яркие, крупные. Такие же, как в 2023-м. Только здесь они казались ближе.

Он думал о Петро. О том, что не успел его узнать. О том, что не смог его спасти.

Он думал о майоре из СМЕРШа. О его глазах. О его вопросах.

Он думал о том, что завтра начнётся Курская битва. Величайшее танковое сражение в истории. И он будет в нём участвовать.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, выживет ли. Не знал, поверит ли ему СМЕРШ.

Он знал только одно: он должен быть готов. К бою. К смерти. К жизни.

Завтра будет новый день. И новая битва.

Он закрыл глаза. И уснул.

Глава 3. Допрос в подвале

Часть первая: Вызов

Пятое июля началось с тишины.

Алексей проснулся за час до рассвета — тело само подняло его, будто внутри сработал будильник, поставленный кем-то другим. В окопе было холодно и сыро. Рядом спали бойцы, укрывшись шинелями, кто-то храпел, кто-то бормотал во сне. Пахло землёй, потом и железом.

Он сел. Прислушался.

Тишина. Не та тишина, что бывает в лесу на рассвете — живая, наполненная шорохами и птицами. Другая. Мёртвая. Как будто сама земля затаила дыхание, ожидая, что будет дальше.

Алексей знал, что будет дальше. Сегодня, пятого июля сорок третьего года, в четыре часа утра немцы начнут операцию «Цитадель». Артиллерийская подготовка, авиаудары, танковые клинья. Всё, что он читал в книгах, смотрел в документальных фильмах, изучал в академии, — всё это должно было начаться через несколько часов.

Только в книгах не было этого запаха. Не было этой тишины. Не было этого страха, который сидел где-то под рёбрами и не отпускал.

Он достал флягу, сделал глоток воды. Посмотрел на восток — там, за горизонтом, уже занималась заря. Багровая, тревожная.

— Лейтенант Вершинин?

Голос раздался неожиданно. Алексей обернулся. У входа в окоп стоял сержант — не из их роты, незнакомый. Форма ладная, сапоги начищены, лицо спокойное.

— Да.

— Вас вызывают. В штаб дивизии.

— Сейчас?

— Сейчас. — Сержант не улыбнулся. — Приказано доставить немедленно.

Алексей встал. Посмотрел на бойцов — те спали, не обращая внимания. Посмотрел на небо — заря разгоралась. Времени было мало.

— Идём.

Они вышли из окопа. Пошли по ходу сообщения, потом по тропинке через лес. Сержант шёл впереди, уверенно, не оглядываясь. Алексей — следом. Он смотрел по сторонам, запоминал дорогу. Привычка аналитика — всегда знать, как вернуться.

Штаб дивизии располагался в трёх километрах от передовой, в глубоком овраге, замаскированном сетями и ветками. Блиндажи, палатки, машины. Охрана на входе. Алексей отметил: три поста, пулемётные гнёзда, проволочные заграждения. Серьёзно. Значит, здесь кто-то важный.

Его провели мимо охраны, вниз по ступенькам, в блиндаж. Внутри было темно и прохладно. Керосиновая лампа на столе, карты на стенах, телефонный аппарат в углу. За столом сидели двое.

Первый — тот самый майор из СМЕРШа, что допрашивал его вчера. Второй — незнакомый. Полковник. Лет пятидесяти, с седыми висками и тяжёлым взглядом.

— Садитесь, лейтенант, — сказал майор.

Алексей сел. Посмотрел на обоих. Спокойно. Хотя внутри всё сжалось.

— Это полковник Григорьев, — майор кивнул на незнакомца. — Начальник особого отдела фронта. Он хочет с вами поговорить.

Полковник смотрел на Алексея. Долго. Внимательно. Как будто пытался прочесть мысли.

— Лейтенант Вершинин, — сказал он наконец. Голос низкий, спокойный. — Вчера вы уничтожили немецкий танк. В одиночку. С двумя гранатами. Это, знаете ли, не каждый день случается.

— Повезло, — ответил Алексей.

— Повезло, — повторил полковник. — Возможно. А возможно, и нет. — Он откинулся на спинку стула. — Мне доложили, что вы знали, откуда пойдёт танк. Знали заранее. Это правда?

— Я предполагал. На основе анализа местности.

— Анализ местности, — полковник усмехнулся. — Лейтенант, я тридцать лет в армии. Я знаю, что такое анализ местности. Но знать заранее, что танк пойдёт именно здесь, именно в эту минуту... Это не анализ. Это что-то другое.

Алексей молчал. Он не знал, что сказать.

— Сегодня утром, — продолжил полковник, — немцы начали наступление. Вы это знали?

— Знал, что начнут, — ответил Алексей. — Это было очевидно. Подготовка, перегруппировка, агентурные данные. Все говорили, что вот-вот.

— Все говорили, — согласился полковник. — Но вы, насколько мне известно, сказали капитану, что наступление начнётся именно пятого июля. В четыре утра. Откуда такая точность?

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он действительно сказал это капитану. Вчера вечером, когда они обсуждали обстановку. Сказал, не подумав — просто потому, что знал. Знал из книг. Из хроник. Из учебников.

— Я... — он запнулся. — Я не помню точно, что говорил. Контузия.

— Контузия, — полковник кивнул. — Удобно. Очень удобно, лейтенант. Сначала вы демонстрируете необычные знания. Потом ссылаетесь на контузию. Это выглядит... подозрительно.

Он замолчал. Смотрел на Алексея. Ждал.

Алексей понимал: это допрос. Настоящий, серьёзный. Не тот, вчерашний, в блиндаже, а другой — когда от твоих ответов зависит не карьера, а жизнь.

— Товарищ полковник, — сказал он медленно. — Я не предатель. Я воевал. Я убивал немцев. Я потерял друзей. Если вы считаете, что я враг, — расстреляйте. Но сначала выслушайте.

Полковник поднял бровь.

— Слушаю.

— Я знаю, что немцы будут наступать на Курск с двух направлений: с севера, из района Орла, и с юга, из района Белгорода. Главный удар — с юга. В направлении Обояни и Корочи. Они бросят в бой новые танки — «Тигры» и «Пантеры». И самоходки «Фердинанд». Они хотят прорвать нашу оборону за трое суток и выйти к Курску.

Он говорил быстро, чётко, уверенно. Как на совещании. Как аналитик, докладывающий руководству.

— Наши войска готовы. Мы построили глубокоэшелонированную оборону. Восемь полос. Миллион мин. Тысячи орудий. Немцы увязнут. Они не пройдут.

Полковник слушал. Не перебивал. Когда Алексей закончил, он молчал ещё минуту. Потом посмотрел на майора.

— Откуда он это знает?

Майор пожал плечами.

— Это не секретная информация, товарищ полковник. Общие сведения. Он мог это знать.

— Мог, — согласился полковник. — Но он говорит так, как будто читает сводку Генштаба. — Он снова посмотрел на Алексея. — Лейтенант, вы понимаете, что говорите о вещах, которые знают только несколько человек в Ставке?

— Понимаю.

— Тогда объясните. Как вы это узнали?

Алексей сделал глубокий вдох.

— Я аналитик, — сказал он. — Я умею думать. Я собираю информацию из разных источников. Из разговоров, из газет, из радиопередач, из донесений. Я сопоставляю. Я делаю выводы. Это моя работа. Это то, что я умею лучше всего.

— И вы сделали вывод, что немцы начнут наступление именно сегодня?

— Да. И оказался прав.

Полковник смотрел на него. Долго.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Допустим. Допустим, вы просто умный. Допустим, вы аналитик. Но тогда у меня другой вопрос. — Он наклонился вперёд. — Почему вы не сказали об этом раньше? Почему не доложили командованию? Если вы знали, что будет наступление, — почему молчали?

Алексей молчал.

— Вот именно, — полковник откинулся. — Вы молчали. Вы не сказали никому. Ни командиру роты, ни капитану, ни в штаб. Только вчера, вскользь, упомянули в разговоре. Почему?

Алексей понимал, что попал в ловушку. Если бы он сказал раньше — его бы сочли сумасшедшим или шпионом. Если не сказал — сочли подозрительным.

— Я не был уверен, — сказал он. — Я не хотел поднимать панику. Я думал, что командование знает больше меня.

— Резонно, — кивнул полковник. — Но неубедительно.

Он встал. Прошёлся по блиндажу. Остановился у карты.

— Лейтенант, я вам скажу честно. Вы мне интересны. Очень интересны. Человек, который знает то, чего не должен знать. Человек, который появился из ниоткуда в нужный момент. Человек, который говорит о войне так, как будто уже видел её наперёд. — Он повернулся. — Такие люди нам нужны. Но такие люди и опасны.

— Я не опасен, — сказал Алексей.

— Посмотрим, — полковник вернулся к столу. — Есть два варианта. Первый: мы вас расстреливаем. Как подозрительного элемента. Второй: вы работаете на нас. Помогаете найти врагов. Доказываете свою полезность.

Алексей смотрел на него.

— Я согласен.

— На что?

— На второй вариант.

Полковник усмехнулся.

— Быстро соглашаетесь.

— Я хочу жить. И хочу воевать. Если для этого нужно работать с вами — я готов.

Полковник посмотрел на майора. Тот кивнул.

— Хорошо, — сказал полковник. — Тогда слушайте. У нас есть проблема. Немцы знают слишком много. Они знают о наших резервах, о наших планах, о наших командирах. Кто-то сливает информацию. Мы ищем этого человека уже месяц. Не можем найти. — Он посмотрел на Алексея. — Может, вы поможете?

Алексей понял: это его шанс. Не просто выжить — стать нужным. Стать тем, кем он должен был стать.

— Помогу, — сказал он. — Но у меня есть условие.

— Условие? — полковник поднял бровь. — Вы в положении, когда не ставят условий.

— Тем не менее. — Алексей смотрел прямо. — Я хочу работать. Но я не хочу, чтобы за мной следили каждую минуту. Я не враг. Если вы будете мне доверять — я смогу сделать больше.

Полковник молчал. Потом засмеялся. Коротко, сухо.

— Наглый, — сказал он. — Мне это нравится. Хорошо. Договорились. Но если вы ошибаетесь...

— Я не ошибаюсь.

Полковник посмотрел на него. Долго.

— Посмотрим, — сказал он. — Майор, оформите его. С этого дня лейтенант Вершинин — сотрудник особого отдела. Испытательный срок. Месяц. Если за это время не докажет свою полезность — пеняйте на себя.

Он вышел. Майор встал, посмотрел на Алексея.

— Поздравляю, лейтенант. Вы только что стали смершевцем.

— Спасибо, — ответил Алексей. — Наверное.

Часть вторая: Новая жизнь

Через час он уже был в другом блиндаже — том самом, где вчера его допрашивали. Майор, которого звали Игорь Петрович Смолин, разложил на столе карты, бумаги, фотографии.

— Смотрите, — сказал он. — Вот данные, которые у нас есть. Перехваты радиопереговоров. Донесения агентуры. Свидетельства пленных. — Он ткнул пальцем в карту. — Немцы знают о наших резервах. Знают, где стоят танковые бригады. Знают, когда они будут переброшены. Это не спутниковая разведка. Это человек. Кто-то в штабе.

Алексей смотрел на карту. Красные и синие линии, стрелки, кружки. Знакомая картина — он видел такие в академии, в учебниках. Только теперь это была реальность.

— Что вы уже сделали? — спросил он.

— Проверили всех. Офицеров штаба, связистов, шифровальщиков. Ничего. Все чисты. Или хорошо притворяются.

— А если это не один человек? — Алексей посмотрел на майора. — Если это сеть?

Смолин нахмурился.

— Сеть?

— Радист. Связной. Информатор. Люди в штабах. Это не один агент. Это группа. — Алексей говорил быстро, мысли складывались в схему. — Немцы не работают одиночками. У них есть структура. Абвер, разведотделы, резидентуры. Если утечка идёт постоянно, значит, работает отлаженный механизм.

Смолин молчал. Смотрел на него.

— Откуда вы это знаете?

— Я аналитик, — ответил Алексей. — Это логика. Если информация утекает регулярно — значит, есть канал. Если канал есть — значит, есть люди, которые его обслуживают. Радист, шифровальщик, курьер. И человек, который добывает информацию. В штабе или рядом.

Смолин кивнул.

— Логично. — Он сел напротив. — Тогда с чего начнём?

— С перехватов. — Алексей взял со стола папку. — Дайте мне все радиоперехваты за последний месяц. Все, что есть. Я хочу посмотреть на них свежим взглядом.

Смолин посмотрел на него. Потом кивнул.

— Хорошо. Но помните: у вас месяц. Потом — решим.

Алексей кивнул.

Он остался один в блиндаже. Разложил бумаги, зажёл лампу. Посмотрел на карту.

Он знал, что искать. Знал, что найдет. Но пока не знал, как это доказать.

Он взял первый лист. Перехват. Радиограмма. Цифры, буквы, коды. Он читал, запоминал, откладывал. Потом второй. Третий. Десятый.

Через час он нашёл первую зацепку.

Часть третья: Первая ниточка

Это был перехват от двадцатого июня. Радиограмма, отправленная из района Курска в немецкий тыл. Стандартный шифр, стандартная частота. Но время — три часа ночи. Необычно. Немцы предпочитали передавать информацию днём, когда эфир забит помехами.

Алексей отложил лист. Потом посмотрел на другой перехват — от двадцать второго июня. Тоже ночь. Тоже три часа. И снова из Курска.

Он начал выписывать. Даты. Время. Частоты. Позывные. Через полчаса у него была схема.

Радист выходил в эфир каждые два дня. Всегда в три часа ночи. Всегда с одной и той же частотой. Всегда коротко — три-четыре минуты. Потом замолкал.

Это был не случайный сеанс. Это был график.

Алексей откинулся на стуле. Посмотрел на схему. Потом на карту.

Радист работал из Курска. Или из района Курска. Но где именно?

Он снова взял перехваты. Начал читать текст. Шифр — стандартный, но в нём были особенности. Ошибки. Опечатки. Радист иногда сбивался, повторял группы. Это было не профессионально.

Или... это было специально?

Алексей задумался. Немецкие радисты — профессионалы. Они не ошибаются. Если ошибки есть — значит, это либо плохой радист, либо... кто-то другой. Кто-то, кто работает не по правилам.

Он отложил перехваты. Посмотрел на часы. Пять утра. Скоро начнётся.

Он вышел из блиндажа. Небо на востоке было багровым. Где-то вдалеке уже грохотало — артиллерия. Немцы начали.

Алексей смотрел на небо. Думал.

Он нашёл первую ниточку. Но чтобы распутать клубок, ему нужно было время. Время и люди, которым можно доверять.

Он не знал, сколько у него времени. Не знал, кому можно доверять.

Он знал только одно: он начал.

Глава 4. Неожиданное предложение

Часть первая: Приговор

Три дня.

Три дня Алексей провёл в блиндаже особого отдела, не выходя на поверхность. Три дня он читал перехваты, сводки, донесения, протоколы допросов. Три дня он строил схему, которую никто до него не строил.

И всё это время где-то наверху шла война. Курская битва — та самая, о которой он знал всё и не знал ничего. Грохот артиллерии доносился даже сюда, в глубокий блиндаж, вгрызшийся в землю на трёхметровую глубину. Земля дрожала. Лампа покачивалась. Бумаги на столе сдвигались сами собой.

Смолин появлялся редко. Уходил на совещания, возвращался усталый, молчаливый. Иногда спрашивал:

— Есть что?

— Есть, — отвечал Алексей. — Но пока не то, что нужно.

— Ищите.

Он искал.

К четвёртому июля у него была схема. Не полная — фрагмент, контур, тень целого. Но даже этот контур говорил о многом.

Радист выходил в эфир из Курска. Это он установил точно — по пеленгу, по совпадениям, по времени. Но не из самого города. Из пригорода. Из района, где стояли тыловые части. Где было много людей, машин, штабов. Где можно было затеряться.

Он выходил в эфир каждые два дня. В три часа ночи. Коротко, чётко, по стандартному шифру. Но с ошибками. С повторяющимися группами. С отклонениями от протокола.

Алексей думал об этом. Долго. Ошибки не давали покоя. Профессиональный радист не ошибается. Если ошибки есть — значит, либо радист непрофессионал, либо...

Либо это не радист.

Он отложил бумаги. Посмотрел на карту. Потом на схему. Потом снова на бумаги.

Мысль была странной. Но она не уходила.

Что, если передатчик — не передатчик? Что, если это ретранслятор? Автоматическая станция, которая принимает сигнал и передаёт дальше? Тогда ошибки — не ошибки. Тогда это сбой оборудования. Или помехи. Или...

Он не успел додумать. Дверь открылась, вошёл Смолин. Лицо — каменное.

— Вершинин. Собирайтесь.

— Что случилось?

— Вас вызывают. В штаб фронта. — Смолин смотрел на него странно. — Полковник Григорьев. Лично.

Алексей встал. Сердце сжалось.

— Что-то не так?

— Не знаю. — Смолин пожал плечами. — Но когда начальник особого отдела фронта вызывает лейтенанта лично — это либо очень хорошо, либо очень плохо. Середины не бывает.

Они вышли из блиндажа. Наверху было серо и тихо. Дым от пожаров застилал небо. Где-то далеко грохотало — но глухо, как отголосок. Битва шла своим чередом.

Машина ждала у дороги. «Виллис», потрёпанный, с вмятинами на крыльях. За рулём — сержант, молчаливый, с каменным лицом.

Ехали молча. Алексей смотрел в окно. Мелькали деревья, поля, разбитые дома. Война была везде — в каждой воронке, в каждом сгоревшем танке, в каждом холмике свежей земли.

Штаб фронта располагался в лесу, в глубоком овраге. Блиндажи, палатки, машины связи. Охрана — тройная. Алексей отметил: пулемёты, собаки, патрули. Серьёзно.

Его провели в большой блиндаж. Внутри — стол, карты, телефонные аппараты. И полковник Григорьев. Сидел, читал бумаги. Поднял глаза.

— Лейтенант Вершинин. Садитесь.

Алексей сел. Смолин остался стоять у входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.